

(дочка Суворова), которую даже и не начали репетировать, Наташа Мстиславская, Наташа в "На дне" и Натали Пушкина.

Не так долго я к Лилиной бегала, но зато с невероятным удовольствием! Она была, наверное, самой лучшей актрисой МХАТа. Очень верующей – мучительно болела и все говорила, что болезнь ее очищает: "Я к Косте пойду очищенной". Верила, что они с Костей соединятся на том свете. То, что она успела со мной сделать, стало замечательной основой. Я ведь тоже что-то писала: сижу за кулисами и готовлюсь. У меня должен быть монолог и я пишу себе, стараюсь что-то выкапывать. Выхожу на сцену – и сухая, как палка. А вот такая фантазия, казалось бы, не относящаяся непосредственно к драматизму роли, она не только голову, а все тело, и сердце насыщает подлинностью жизни, какую ты должна показать на сцене. У них с мужем, видимо, была какая-то безмолвная договоренность, что первой актрисой будет Книппер, потому что Чехов писал для театра пьесы. Помню, какое впечатление на меня произвела ее Карпухина – как пуля она вылетала на сцену и всех этих сплетниц свивала в один клубок – Достоевский тоже ее лихо выписал. Ужасающая баба!

Я слышала много рассказов про Лилину – как она была хороша в мольеровских пьесах и как однажды у нее свалились штаны (тогда они были на завязках), она перешагнула через них и ушла за кулисы, когда ей и полагалось. А штанишки так и остались лежать на сцене. А если бы она ахнула и стала подбирать или подтягивать?!

Вот, выпало на долю такое счастье – вдруг Лилина услышала меня. Когда мы хоронили Олега Николаевича, Кляля пришла на похороны и сказала: "Кирочка, вы были последней ученицей бабушки".

Подумать только, я даже несколько раз выходила на сцену с Добронравовым – он играл Пепла, уже очень редко. Так любить, как любил он!

Вот и Хмелев – он начал с того, что предложил мне подумать о смене профессии, хотя разрешил играть. Когда мы вернулись в Москву, я поделилась с Софьей Станиславовной Пилявской, а она рассказала это Книппер-Чеховой. Ольга Леонардовна раньше видела меня в каких-то учебных работах, подходила и говорила: "Что-то в вас есть. Еще не знаю, что, но есть". И поймала она меня – тогда как раз возобновились репетиции "Последних дней": "Посмотрите мне в глаза. Вот я сейчас вам скажу. В театре нашел – молчи. Потерял – молчи. Но голову выше. И никаких заявлений об уходе!" Не представляете, какую храбрость она вселила в меня, – самоедку и трусиху!

Показ "Пушкина" смотрели все – во главе с Хмелевым. Немирович не смотрел, он был в отъезде. Дивные костюмы, изумительное оформление Вильямса: спектакль шел за сеткой, с очень трудным освещением. Хмелев и еще несколько человек ушли совещаться, а потом вернулись и объявили, что пьеса Булгакова – одна из самых слабых, ее нужно укреплять: "Мы не хотим снимать спектакль, но в таком виде, как сейчас, выпустить его нельзя. Поэтому Иванову мы заменим Степановой, Лебедеву (игравшую Александру) – Пилявской, Пилявскую (одну из княжон) – Андровской, и так далее, всего 18 человек по списку". Хмелев решил, что Владимир Иванович с новым составом за несколько месяцев доделает спектакль и мы его выпустим. И после паузы вдруг добавил: "Знаете, я должен при всех сознаться, что изменил отношение к Ивановой. Я вижу ее во многих ролях и уже решил, что она будет играть в "Лесе" Аксютину". А я сидела и думала о самоубийстве (мне все говорили: сыграешь Натали и проснешься звездой). Я представить себе не могла, чтобы художественный руководитель фактически извинился передо мной. Второй спектакль играла уже я.

Однажды художница Ламанова так увлеклась, стягивая мне корсет – а стягивали меня очень сильно, я забыла, сколько сантиметров – я даже не заметила, как у меня закружилась голова и я в этих роскошных крахмальных юбках осела. И когда очнулась через несколько секунд, то около меня никого не было – все бегали вокруг Надежды Петровны, которая кричала: "Эта девочка меня уморит!" Ей

давали валерьянку, нашатырь. Я сама поднялась: "Надежда Петровна, не сердитесь!" "Нет, не показывайся мне, я не хочу тебя видеть! Как ты меня испугала!" Потом посидела, выпила чайку, успокоилась.

Хмелев в это время репетировал "Трудные годы" – пьесу Алексея Николаевича Толстого, очень плохую, конечно. Она была написана для Сталина: Иван Грозный, несмотря на сопротивление бояр, отвоевывал для России новые земли. И там – единственная женская роль Анны Вяземской, последней якобы любви Грозного. Ее репетировала, естественно, Тарасова. Как-то она меня встретила и говорит: "Знаешь, надоел мне твой Хмелев". Я насторожилась: мой Хмелев? "Каждую репетицию он меня пилит, пилит, что я не подхожу к роли, что у меня уже нет наивности, а ведь и роль-то никудашная! В общем, жди, скоро тебя вызовут". Действительно, вызвали и началась сказка – изо дня в день. Хмелев замечательно ко мне относился в последний год своей жизни! Он делал из меня свою партнершу, придумывал этюды, чтобы снять с меня скованность – а я боялась его смертельно. Его смерть была для меня трагедией. Казалось, зачем я завтра пойду в театр – Хмелева нет.

Причем публичной генеральной репетиции так и не случилось, только прогоны в костюмах. У меня с ним было несколько сцен, и он казался очень довольным: "Знаешь, говорят, у меня впервые выстроилась любовная линия. Меня всегда упрекали в том, что я только играю мужчину, и женщин для меня не существует". А он не ухаживал за мной! Он был увлечен Лялей Черной, про сына своего рассказывал. Он был очень цельным человеком, и хоть Ляля его мучила, он ее очень любил. К такой цыганской жизни он не был приспособлен – чтобы всю ночь кутить и жечь костры в квартире.

Единственный раз он целовал меня по-настоящему, когда я подносила ему чарку вина – по роли. Вот этого партнера я никогда в жизни не забуду. Я смотрела все его спектакли: и "Турбинных", и "Дядюшкин сон". Его Князь был полной развалиной, меня чуть было не выносили, как я хотела! Сегодня Алексей Турбин, а завтра он играет дворника Силана в "Горячем сердце" – худой, как сучок, отломанный от дерева.

Везение было, было! Но вот он умер. Вместо него в спектакль вошел Миша Болдуман, у нас были очень хорошие отношения, но роль-то сделана под Хмелева! И пьеса плохая – на спектакль не ходили. Год продержался он и сошел.

Я застала три поколения МХАТа – недовольных и собой, и театром всегда было очень много. Но вместе с тем, мне всегда казалось, что эта профессия – независимо от того, успешно ты в ней пребываешь или наоборот, – она все равно настолько нравится! Действительно говорят – разбуди ночью и скажи: играй! – тут же оденешься и поедешь куда-то репетировать.

Когда я вышла замуж и через некоторое время мужа послали командовать Балтийским флотом, у меня даже мысли не было – поеду ли я. Тем более, что ждала второго ребенка. Я уехала. Муж сам очень любил театр и также думал, что это профессия, с которой я вряд ли расстанусь.

И еще раз я уходила – перед тем, как МХАТу делиться. Мне как-то сказали, что Олег Николаевич Ефремов меня очень любит, но я не вхожу в круг тех актрис, кто его интересуется. И я подала заявление об уходе, тем более, что мне предложили полную ставку в Школе-студии. Я совсем не была в восторге от себя, как от педагога, но, тем не менее...

Я очень ругаю себя сейчас, в старости. Меня очень интересовал Ефремов, его творчество как актера. Мне интересно было, что он делает с Художественным театром. Но самолюбие было так задето, хотя следовало смирить его и остаться.

Но, на самом деле, я не прекращала играть. Екатерина Ильинична Еланская тут же стала приглашать – я играла "Театральный роман" и "Доктора Живаго". И от Дягилевского центра я играла пьесу "Бабочка, бабочка" Альдо Николаи. А если бы я прекратила играть – то вряд ли бы вернулась. Когда актриса перестает

играть, она теряется. Я уж не говорю о балетных, те должны все время совершенствоваться, играть, танцевать. Так и драматические актеры.

Конечно, все зависит от обстоятельств жизни – иногда она становится так трудна. Помню, когда я забеременела во второй раз, Тарасова сказала: вот ты и кончилась как актриса. Актрисе можно иметь только одного ребенка. Она ошибалась, конечно. Меня дети и сейчас иногда упрекают – в Пилу (Балтийске), где был расположен штаб, как только смогла, я стала играть в областном театре. Дважды в день за сто километров ездила, возвращалась кормить Наташу и уезжала обратно. А помогала с детьми моя старшая сестра. Это счастливо, а ведь могло быть иначе! Может, пришлось бы и бросить, если бы обстоятельства были другие – не было бы адмирала, не было бы старшей сестры.

Я три года играла в Калининграде (у меня было 22 роли) – к нам туда пришел главным режиссером Корогодский. Это я его разыскала в Калуге и уговорила. Работа с ним, конечно, на редкость много мне дала.

Ох, это вообще трагедия моей жизни. Я отказалась идти в "Современник" – Ефремов очень уговаривал сыграть в "Вечно живых" роль Анны Михайловны, которую потом прекрасно исполнила Люся Иванова.

Я не пошла в "Современник", обидела Олега Николаевича. Почему? Когда я пришла из творческого отпуска, меня хотели брать обратно. Тогда МХАТом управляла коллегия, и от ЦК был такой Поликарпов – он заведовал искусством и сказал Артемию Григорьевичу: ты знаешь, твою жену не хотят брать обратно, имей в виду. Ему сказали, что я стала провинциальна. И я, по правде говоря, испугалась. Несмотря на то, что понимала – МХАТ уже не тот, Хмелев умер. Я никому не признавалась и Арсению Григорьевичу не говорила, но все же чувствовала, что если только соглашусь участвовать в ефремовском спектакле – меня выпрут из МХАТа. А мне очень этого не хотелось, потому что я так его любила – я ведь пришла туда девчонкой! Девятнадцать лет мне было, а начала работать с двадцати. Я, конечно, очень жалела потом – понимала, что не выгнали бы меня, наверное.

И сейчас уже, в глубокой старости, я жалею. Ведь Ефремов смотрел мои работы: скажем, когда Моноков ставил "Долгий марш", Олег Николаевич говорил, что плакал на моей сцене. А я думала, что он меня на дух не принимает. Трусливая я была. Понимаю, что качества, нужного актрисе – умения пробиваться – мне всегда не хватало.

Очень важно, когда тебя принимает группа. За 65 лет пребывания на сцене я могу назвать две или три роли, когда я поняла, что меня приняли. А чаще не принимали. Не замечали.

Вот Ольга в "Трех сестрах" – сначала ее репетировала Леночка Хромова, но думаю, она просто выглядела моложе. Машу играла Рита Юрьева, а Ирину – Максимова. Леночка всю жизнь была моложавой, и здесь ее было решено заменить мною. Уж я-то наверняка выглядела как старшая сестра. И группа, на удивление, признала.

Еще кого-то пьеса "Дом, где мы родились" – это режиссерская работа Виктора Карловича Монокова. Кого-то к нам приезжал несколько раз – очень симпатичный человек. И сейчас приезжал – на выпуск его "Нулей". Мы встретились и я спросила: неужели не узнаете меня? "Узнаю, узнаю!" – соврал он. Но я сама его не узнала бы – сколько лет прошло. Там тоже была роль третьей сестры – он написал очень талантливую пародию на чеховских "Трех сестер", только чешских.

Я и сегодня уже занималась – все-таки ролька, и там есть одна очень хорошая сцена, о которой я подумалась совершенно не сразу! Пьесу (инсценировку "Мелкого беса" Сологуба) сначала назвали "Тварь" – там действительно все твари, и я решила, что моя Кокочкина тоже тварь. Только сейчас я расчухала – там есть кусочек, драматическая сцена, где она воет за своего квартиранта, когда понимает, что на его девственность посягают. Не знаю, как еще это у меня получится. Теперь пьеса называется "Учитель словесности" – у Чехова есть такой рассказ. Очень милый режиссер – Николай Николаевич Шейко. Там очень много действующих лиц, очень хорошие актеры – можно осрамиться на сцене! Только вот Виктор Гвоздицкий заболел – он замечательный актер и человек чрезвычайно симпатичный. До этого я только видела, как в Пушкинском театре он играл Эрика XIV. А здесь – он мой партнер.

Подруги в театре? Бывают. Скажем, Андровская очень дружила с Еланской. Обе терпеть не могли Тарасову. У Тарасовой подруг, по-моему, не было, только мужья. А у меня была подруга – мать Володи Лакшина. Она была старше меня. Лина состояла в вокальной части, а они входили во вспомогательный состав, принимали участие в больших народных сценах – в "Женитьбе Фигаро", в "Анне Карениной", в "Воскресении", в "Пушкине". Это была даже не подруга, а друг. Ей я могла все рассказать. А так – очень скоро театр меня научил уму. За мной ухаживал один человек, предложение сделал, был у нас дома, очень понравился. Он потом женился, но не на

мне. Когда он вдруг пропал, я написала ему записку, а он ее дал прочитать и на следующий день весь театр знал. Я даже думала о самоубийстве и поняла, что нельзя верить, нельзя подруг заводит. Хотя потом все очень неплохо ко мне относились. Когда я вышла замуж, открытого дома все равно не было – и я работала, и муж очень много работал. Потом, все праздники он проводил на ближней даче у Сталина, а я одна куковала.

Да, Арсений Григорьевич увидел меня на сцене – он был театралом, любил искусство, гордился своим театром Северного флота, где главным режиссером был Плучек. Скажем, Кербель был призван на флот простым матросом и когда Арсений узнал, что тот служит, то устроил ему мастерскую! Он лепил и Арсения Григорьевича – памятник так похож, потому что он лепил с него живого. И ни копейки не взял – только его подручным заплатили и за мрамор.

Арсений любил МХАТ и дружил с администратором Игорем Владимировичем Нежным. Тот был очень светским человеком. Однажды он устроил ранний обед и пригласил меня, а у меня был спектакль "Пушкин". Уж теперь в день спектакля ни на какой обед я бы не пошла. Мне не понравился Арсений Григорьевич – во-первых, я ничего не понимала в адмиралских чинах. Он рассказывал анекдоты, у него была копна курчавых с проседью волос. Потом, когда я сказала, что мне уже нужно идти, он предложил машину, а я ответила: нет, спасибо, 10 минут ходу.

Они собирались всей компанией в Малый театр – там был администратором брат Нежного, Владимир. Во время перерыва я побежала к своей подруге Лине Чайковской: "Знаешь, сватают меня, и так он мне не понравился! Нахальный, имя какое-то странное – Арсений". А она: "Умоляю тебя! Ты только что вылезла из такой запутанной истории! Боже упаси, только не вывязывайся!"

После спектакля, на поклонных, поднимали тюль – и вот я кланяюсь и вижу, что по проходу идет адмирал и эдак мне ручкой делает. Я побежала за кулисы, никому ничего не говорю, судорожно разгиримировываюсь, думаю: сейчас выйду, стоит роскошная машина, я откажусь от нее! А был конец ноября, и шел снег. И когда я вышла – никакой машины, никого нет, снег, дует ветер. Я похихикала над собой и пошла домой. Так мне и надо.

А через неделю он пригласил нас на дачу в Перedelкино тем же составом – на ответный обед. У меня был шефский концерт в воинской части, я не захотела от него отказываться и убежала на репетицию. Была у нас такая поклонница Ливанова, Лелечка – она ужасно плохо видела, а хорошенькая была, правда. Так, видимо, хотела понравиться Борису Николаевичу, что очки не носила. Она была курьером репертуарной части. Подошла ко мне: "Ты кто? Ты Иванова? Распишишь, тебя освободили от шефского концерта". Ну я и поехала. В тот вечер мы гуляли, потом исповедовались друг другу. А потом очень быстро все пошло – стали виднеться, а перед Новым годом он получил известие, что заболела его мама в Прохладном. Он не мог тогда поехать и послал в Прохладное брата Гошу. Мы думали пожениться в январе, а тут мне стало его так жалко, что я сказала: "Давай я к тебе перееду". Новый год мы встречали с ним вдвоем, на даче. Вот так вот все и пошло. Но счастье было недолгим. Четырнадцать лет. Но полное счастье.

Недавно Ольга Барнет меня спросила: "Кира, только откровенно, а страсть была?" И я откровенно ответила ей, что была, действительно была! Единственный раз в жизни. Причём она была взаимной.

Материал подготовила Дарья КОРОБОВА
● В роли Натали Пушкиной.
"Последние дни" М.Булгакова.
1943 г.
● Кира Иванова. 1937 г.